

Когда первая заря разогнала тени, сделав воздух вокруг серым, Баки разодрал слипшиеся глаза. Слева плечо жгло огнём, всё тело болело, но голова отчего-то была ясная, собранная. Он повернул её на шум — там, со стороны густого лапника кого-то тащили по сухим хрустким иглам. Баки замер, перестав дышать, и прикрыл глаза ресницами.

На небольшую поляну между высоких елей выбрался человек в бывшей когда-то светлой, а теперь перепачканной бурыми разводами хламиде. Мальчишка, подумал Баки, потому что телосложение и рост его говорили об отроческом возрасте. Но жилистая худоба не помешала ему упрямо втянуть на наваленный сломанный лапник... хрипящего, булькающего кровью гэла. Врага. Был он плох, даже на расстоянии Баки почувствовал, как от него смердит тухлой, нездоровой плотью. Гэльский воин бредил, и у него не было ноги от бедра и ниже — из раны торчал белый край кости. И даже при этом Баки почувствовал щекотку опасности и подобрался весь, словно смог бы сейчас дать отпор хотя бы этому мальчишке.

Тогда Баки и окинул поляну придирчивым взглядом. То, что он принял в рассветных сумерках за наваленный лапник, оказалось людьми, прикрытыми этим самым лапником от холода. Его собственные ноги были заложены пушистыми еловыми ветками. Все они располагались по кругу поляны, четверо, с новым гэлом — пятеро. В центре он увидел едва дымящее кострище. И тут же почувствовал жестокий, пробирающий до самого нутра утренний осенний холод. Ног он и вовсе не чуял, а вот тело от пояса и выше затрясло от озноба, что зубы застучали.

Мальчишка — лет шестнадцать, не больше, хотя самому Баки давно ли было шестнадцать? — только что грузно, устало осевший на свободную кучу лапника и пытающийся отдышаться, кинул в его сторону настороженный взгляд. И тут же, помедлив, встал и принялся накидывать в кострище припрятанных от утренней сырости повыше, в ветви елей, дрова.

Он вызвал огонь очень быстро, умело, Баки даже не понял, как именно у него это получилось — его всё трясло, и он думал только о том, как бы не прикусить себе язык до крови. Пламя взвилось мальчишке выше пояса, облизывающее хламиду, но тот словно и не чувствовал жара. Смотрел на него пристально с той стороны огня, и на перемазанном его, нечётком лице из-под свисающей грязными сосульками чёлки глядели на Баки чистые, светлые голубые глаза. Кельтские глаза, колдовские — Баки сразу это понял, и холодок узнавания пробежал по его спине, несмотря на жар огня, который уже почувствовали ноги.

Это был тот самый мальчишка, тот, которого Брок... Когда же это было? Словно целая жизнь осталась позади. Как он вообще выжил? Когда Баки видел его последний раз, он лежал ничком позади его шатра в задранной до ключиц хламиде, весь в бурых разводах крови и липкого семени, и голодные псы, что ошивались рядом с походным войском, слизывали эту мешанину с бледной, посеревшей кожи. Баки не помог ему тогда отправиться к предкам — был уверен, что он уже испустил дух, или испустит его вот-вот, не приходя в сознание. Ему же лучше. Ни к чему мучиться. Король Эргус чётко изъявил свою волю: пленных в Дал Риаде не брать.

Однако сейчас этот самый мальчишка стоял по ту сторону костра живее всех лежавших тут почти мертвецов, и честное, настоящее пламя уже лизало его лицо. Он не морщился, не моргал и смотрел на него прямо сквозь огонь своими холодными голубыми глазами. И только тёмные, густые ресницы его гнулись от жара.

Баки понял, словно кто обухом по голове ударил — он его тоже узнал. Тогда почему он тут? Почему не отправился с перерезанным горлом к предкам? Что мальчишка делает тут, зачем? Как они, недобитые и искалеченные, оказались на этой поляне все вместе — два пикта из чужих кланов, которых Баки не знал, он сам, ещё ирландец и вот последний, безногий гэл? Может, он собирается провести какой-то кровавый обряд? Забрать их души? Свершить месть? Баки не понимал, и непонимание холодной змеей обвивало внутренности, сжимаясь всё туже. Баки не должен был бояться — его отучили бояться врага давно, ещё Брок выколол из него этот ненужный, глупый страх. Но смотря в эти замершие, холодные и чистые, как горный ручей голубые глаза Баки на один удар сердца испугался. Хотя мальчишка смотрел ровно и спокойно, и взгляд его не выражал никаких эмоций, просто и безыскусно впиваясь болью где-то между его бровей.

Потом он вдруг двинул рукой над пламенем, словно отмахиваясь от него — и языки, присмирившие и подобострастно облизывающие хламиду, успокоились и утихли, продолжив гореть ровным аккуратным костром. Баки медленно сглотнул сухим горлом. Пока мальчишка вынес из-под ели глиняный горшок размером с голову младенца и поставил его в середину огня, он отдался своим страшным, медленным и неповоротливым мыслям.

Перед ним стоял не мальчишка. Не простой враг, пылающий жаждой мести. Это был лесной друид. Не отошедший от колдовства старик, что сидел в общем доме в любом ирландском поселении, а добровольно ушедший от людей вглубь леса, породнившийся с ним друид, который мог навечно привязать его душу к дереву, сделать лесным маятным духом бесплотным, и не увидит Баки никогда своих предков, и не сольётся с их душами в вечности. Это был живой друид, которого несколько дней тому назад Брок выдернул из его лесного дома и приволок в войско, к его шатру... всем мужам и ему, Баки, на потеху. Морда смазливая, сказал он тогда, как у девчонки. А что зад худой — так к дареному задку не пристало придирается. Баки только вернулся из долгого патруля и не стал ничего говорить своему старшему, своему учителю и наставнику. Сказано было королём Эргусом — пленных не брать. Вырезать всех под чистую. Они выполняли приказ своего короля, и кто виноват, что охота завела Брока и его загонщиков именно туда, где жил друид? Брок принёс тогда жирного кабана — и привёл на верёвке мальчишку. И толкнул сапогом к ногам Баки, и, оступившись, он упал на растоптанную копытами и сапогами землю у входа в шатёр. Грязный, тощий мальчишка, у Баки даже не шевельнулось ничего при взгляде на это жилистое грязное тело. Но на него смотрели его люди. Килт Брока не скрывал его возбуждения, он словно обезумел, и Баки понимал его. Они не видели женщин так много дней, и если на пути попадалось поселение, Баки было мерзко идти между лачуг после разбоя своих людей. Женщины и девочки лежали прямо на земле изломанные, как туши дичи, которую догнал хищник. На них было невозможно смотреть — и Баки, привыкший ко многому, отводил свой взгляд.